

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

национальный исследовательский университет
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

МЯСНИЦКАЯ УЛ., Д. 20, МОСКВА, РОССИЯ, 101000, ТЕЛ: 8(495) 771-32-32,
ФАКС: 8(495) 628-79-31; E-MAIL: HSE@HSE.RU, WWW.HSE.RU
ОКПО 17701729, ОГРН 1027739630401, ИНН/КПП 7714030726/770101001

Отзыв Школы филологии НИУ ВШЭ на проект обновленных образовательных стандартов основного общего образования

Мы, преподаватели и научные сотрудники Школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, изучили обновленную версию Федеральных государственных образовательных стандартов для основной школы (ФГОС ООО) в их разделе, посвященном литературе, и выражаем свое категорическое несогласие с тем, в какие формы вылились, безусловно, необходимые уточнения и корректировка важнейшего для среднего образования нормативного документа. Внутрь старого, пусть несовершенного, но концептуально и ценностно цельного текста некритически и поспешно внедрена разрушительная для литературного образования концепция, из-за чего получился документ, в значительной степени противоречащий сам себе и своему предназначению – быть нормативным для определения планируемых результатов и целей школьного образования.

Так, первые 6 пунктов подраздела «Литература» отвечают букве и духу ФГОС и заложенному в его основу деятельностному подходу, однако каким образом они будут достигаться, в тексте не сказано, зато уже п. 7 полностью противоречит предыдущим пунктам, так как возвращает стандарт к во многом устаревшей репрезентационной парадигме, предписывая в качестве основной цели литературного образования *«знание содержания изученных произведений, указанных в Содержании учебного предмета «Литература», распределенном по годам обучения (см. Приложение 2)»*. Данный пункт является ключевым для новой версии документа и вызывает у нас целый ряд принципиальных возражений и замечаний.

Прежде всего, происходит подмена понятия «содержание предмета» – понятием «содержание изученных произведений», что особенно наглядно проявляется в упомянутом *Приложении 2*, в котором два столбца – «Предметные результаты освоения учебного предмета» и «Содержание учебного предмета «Литература», распределенное по годам обучения», – соединены совершенно механически, никак не будучи соотнесены между собою, причем правая колонка содержит не изложение содержания предмета, а развернутый перечень произведений, содержание которых должно быть

изучено! Так, к примеру, в левой колонке утверждается, что в результате третьего года изучения учебного предмета «Литература» ученик научится: «4. *формировать собственный круг чтения с опорой на опыт, полученный в процессе изучения литературы*», однако в правой колонке нет ничего, что позволило бы предположить, что эта цель будет как-то достигнута: напротив этого тезиса в правой колонке расположен следующий текст: «*Преемственность духовного опыта поколений и формирование образа идеального правителя как главные лейтмотивы «Поучения» Мономаха!*»! Как связаны формирование читательского кругозора и формирование образа идеального правителя – не поясняется (формирование этого образа – где: в сознании читателя? в тексте «Поучения»?). Зато все произведения уже снабжены в правой колонке готовой оценкой и ракурсом их рассмотрения (например: «*Хождение за три моря Афанасия Никитина. Любовь героя к Родине, прочность его веры. Упорство и любознательность человека в освоении неизведанного*»).

Одни и те же планируемые результаты, слабо варьируясь, повторяются из года в год от 5 к 9 классу; параллельно им одни и те же авторы (Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Чехов и др. - варьируются только их произведения) вынесены на ежегодное обязательное изучение – при почти полном отсутствии лучших писателей последних десятилетий, зарубежной литературы, адресованной для подростков, нефикциональной литературы и пр. В сокращенном виде тот же перечень из правой колонки зачем-то повторен и в основной части раздела, дублируя Приложение 2, необходимость чего никак не объясняется и не вытекает из логики нормативного документа, создавая ощущение небрежности при составлении текста документа.

При этом никак не определяется, что означает понятие «*содержание изученных произведений*» и в чем выражается его «знание» – включаются ли в это «содержание» формальные аспекты текста, история его создания и различных редакций, интертекст и др.? Следует ли «знать» все элементы художественной структуры наизусть? Судя по росписи каждого произведения в правой колонке, всякий раз под «содержанием произведения» понимаются разные его аспекты, что чревато злоупотреблениями при составлении аттестационных заданий. То же самое касается и требования знания «*сведений о жизни и творчестве*» поэта или писателя – что это за «сведения» и каков должен быть их объем и характер, никак не конкретизируется, а главное – никак не обосновывается необходимость ежегодного изучения биографии одних и тех же авторов, произведения которых переходят из класса в класс, – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Чехова и мн. др. при отсутствии в обязательном для изучения перечне многих значимых имен и названий, которые не только входят в круг подросткового чтения, но и активно осваиваются современной культурой – инсценируются и экранизируются, вызывают дискуссии и получают продолжение в творчестве самодеятельных и профессиональных авторов.

Остается загадкой, почему предмет «Литература» помещен в Раздел «13.1. Русский язык и литература» и отнесен к предметной области «Русский язык и литература», если это единство практически никак не отражено в обновленной версии Стандарта: русский язык в основном здесь понимается как арсенал средств художественного выражения авторской позиции и составляющих «авторского стиля», которые школьнику предписано знать на память и перечислять по мере надобности. Точно так же в «Приложении 2» никак не отражено, каким образом должно формироваться *«представление о богатстве культуры народов России и всего человечества; способность опознавать в художественных произведениях изображение иных этнокультурных традиций и укладов, замечать их сходство с родными традициями и укладом и различия между ними»* – за исключением единичных национальных эпосов и сказок, в целом список содержит произведения исключительно русской литературы – так что следует либо отказаться от этого планируемого результата, либо отразить, каким образом он должен достигаться в рамках предмета!

Не отражено в разделе и то, каким образом будет достигаться следующий планируемый результат: *«умение соотносить содержание и проблематику фольклорных и художественных произведений с историей и различными художественными системами на основе освоения учебных предметов «История», «Музыка», «Изобразительное искусство»* – междисциплинарные связи не прописаны на уровне их обеспечения в рамках дисциплины, не указано, какие литературные произведения должны быть соотнесены со своими интерпретациями другими видами искусства, – раз уж дан конкретный перечень этих литературных произведений. Отказ современному учителю в праве самому определять обязательный список для изучения должен тогда распространяться и на отказ ему в праве подбирать материал из других видов искусства – живописи, кино, театра и пр.!

В «обновленном» Стандарте не указано, относится ли только к 9-му классу – или уже к 5-му и остальным классам требуемое в качестве результата в п. 9. *«умение рассматривать изученные произведения в рамках единого историко-литературного процесса (определять и учитывать при анализе принадлежность произведения к определенному литературному направлению на основе знания особенностей классицизма, сентиментализма, романтизма и начальных представлений о реализме)»* – особенно если учесть, что систематическое историко-литературное изучение литературного материала начинается, как правило, только в 9 классе (при этом в п.10 к перечисленным направлениям добавляется еще и «модернизм»!)

Не могут не удивлять в документе такого статуса ошибки собственно литературоведческого характера: понятие «жанровая форма» употребляется как синоним понятия «жанр», причем среди «жанровых форм» оказывается «пьеса»; вместо «правдоподобия» понятию «вымысел» противопоставлен «факт»; есть «проблематика», но нет «проблемы», «система образов» *toto pro pars* замещает собой «систему образов персонажей» – но используется и понятие «система персонажей»; среди «систем стихосложения» упомянута

только «силлабо-тоническая» – и остается неясным, существуют ли другие; «виды повтора» упомянуты, но не перечислены; «формы повествования» (какие?) предписывается находить только «в эпических произведениях». Навязываемые в Приложении 2 интерпретации некоторых произведений не могут не огорчать: так, в стихотворении «Бородино» школьник обязан видеть *«беседу старого и молодого солдата как диалог поколений»* – поскольку данная установка дается в Стандарте, то есть нормативном документе, другие интерпретации (например, разговор племянника с дядей, молодого человека с ветераном) могут быть интерпретированы как ошибочные.

Просто комично звучит требование в п. 11, предъявляемое к обучающемуся, – *«осознание коммуникативно-эстетических возможностей русского языка и литературы на основе изучения выдающихся произведений отечественной и зарубежной литературы»* – тогда уж надо говорить о переводах произведений зарубежной литературы на русский язык и их изучении! Более того, в этом же пункте получается, что именно школьнику предписывается *«формирование квалифицированного читателя с развитым эстетическим вкусом»* – кажется, права исходный текст, его «редакторы» не слишком заботились о связности частей.

Огорчает и предложенная в Стандарте терминология, в значительной степени заимствованная из устаревших учебников, – в большинстве произведений школьник должен видеть *«нравственное противостояние»* героев, один из которых является злодеем, другой – праведником (Царица и Царевна у Пушкина, Барыня и Герасим у Тургенева и т.п.); среди ведущего критерия отбора произведений для изучения, судя по конкретизации, – их «поучительный характер». Ключевые темы, с точки зрения которых отбирается подавляющее большинство произведений для изучения 5-8 классах, – жизнь народа, жизнь природы и связанная с ней жизнь животных, а также тема войны: при этом никак не учитываются ни интересы, характерные для конкретных возрастов юных читателей, ни проблемы, с которыми сталкивается современный человек. Так, стихотворения, содержащие образы природы, даются под рубрикой *«Стихи русских поэтов о родной природе»*, даже если природные описания в них условны и вовсе не обязательно могут быть определены как зарисовки родных для автора краев (например «Как весел грохот летних бурь...» Тютчева). Особо педалируется «народная тема», вряд ли доступная даже на таком, мифологизированном уровне учащемуся 5-7 классов и нередко поданная антинаучно: отмечается *«внутренняя красота человека из народа»*, *«воплощение лучших черт народного характера»*, *«воплощение русского национального характера»* – в многонациональной стране хорошо бы сперва пояснить, чем «русский национальный характер» отличается от «осетинского», «татарского» или «еврейского национального характера», какими специфическими чертами обладает. Некоторые формулировки, напоминающие скорее оценочные суждения, нежели строгие понятия, вызывают подозрения, что от школьников требуется в качестве обязательного результата освоения предмета научиться выражать восторги от прочитанного (*«Богатство*

выразительных средств <лирики Пушкина>; «*Изобразительная яркость и внутренний драматизм лермонтовской лирики*» и т.п.)

Каждый год с 5 по 8 класс представлен в виде своего рода концентра – школьники начинают год с изучения фольклора или произведений древних литератур, постепенно восходя к XX веку, причем объем вынесенного на обязательное изучения материала таков, что практически исключает полноценное использование таких методов, как «медленное чтение», подготовку на занятиях коллективного проекта по конкретному произведению, чтение целиком, а не в отдельных главах, крупных литературных форм, углубленную аналитическую работу с отдельным стихотворением или эпизодом: возможность двигаться в обратном направлении – от современной или от подростковой литературы в глубь веков и в глубь культуры при таком подходе также исключена. Были ли проведены исследования осуществимости такого объема в рамках имеющихся часов и исходя из подлинных целей литературного образования, не сводимых к «знанию содержания изученных произведений»? Если были, то где можно с ними ознакомиться? А если нет – это уже достаточная причина, чтобы снять с обсуждения предложенный документ до проведения соответствующих исследований.

В целом можно сказать, что предложенный «исправленный» вариант ФГОС в разделе, посвященном литературе, представляет собою большой шаг назад по сравнению даже с несовершенным вариантом 2014 года: он возвращает в школу начетнический подход, игнорирует задачи чтения литературы – не только фольклора и классической, но и современной, не только отечественной, но и зарубежной, не только «взрослой», но и адресованной конкретному возрасту, детской и подростковой. Вместо цели формирования в школе компетентного читателя, имеющего потребность в регулярном чтении разнообразной и, желательно, имеющей художественную ценность литературы, способного самостоятельно выбирать книги для чтения, интерпретировать их, давать им оценку и рекомендацию другим читателям, в «обновленном» варианте воплощена не проговариваемая открыто цель «пройти список», позволяющая чтение книг заменить чтением учебника, а то и «краткого изложения содержания», коих сейчас множество в интернете, подчас весьма сомнительного качества, с последующей нетворческой репрезентацией прочитанного или услышанного от учителя. Этот вариант готовит почву для введения единого учебника по литературе, который содержал бы только те готовые интерпретации, что следует запомнить и бездумно воспроизвести на итоговой аттестации как можно ближе к тексту. В силу своей реакционности и оторванности от реальности он окончательно дискредитирует «школьное чтение» и противопоставляет его тем нарождающимся практикам свободного чтения, которые складываются сегодня благодаря развитию новой инфраструктуры чтения – обновленным библиотекам и музеям, социальным сетям и сообществам поклонников определенных жанров и форм литературы. Вот почему в нынешнем виде – и концептуально, и практически – предложенные в

«обновленном» тексте ФГОС нововведения неприемлемы, и мы требуем вернуться к доработке исходного варианта Стандарта с участием широкого круга специалистов – педагогов, методистов, возрастных психологов, филологов, так как вынесенный на утверждение без широкого общественного обсуждения последний его вариант исправлению не подлежит.

Абелюк Евгения Семеновна, заведующий проектной лабораторией по изучению творчества Юрия Любимова и режиссерского театра XX-XXI вв., доцент Института образования НИУ ВШЭ

Баженова-Сорокина, к.филол. наук, старший преподаватель школы филологии НИУ ВШЭ

Баранов Анатолий Николаевич, д. филол.н., профессор Школы филологии НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Научно-учебной лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик НИУ ВШЭ

Бергельсон Мира Борисовна, доктор филол. н, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Бодрова Алина Сергеевна, к.филол. наук, доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Вдовин Алексей Владимирович, PhD, доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Велижев Михаил Брониславович, к.филол. н, PhD, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Гельфонд Мария Марковна, к. филол. н., доцент Департамента литературы и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде

Гиппиус Алексей Алексеевич, д.филол. наук, Член-корреспондент РАН, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Гусейнов Чингиз Гасанович, д. филол. наук, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Долгорукова Наталья Михайловна, к.филол. наук, PhD, преподаватель школы филологии НИУ ВШЭ

Земскова Елена Евгеньевна, к. филол. наук, доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Иванов Сергей Аркадьевич, д. ист. наук, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Ковалова Анна Олеговна, к.филол. наук, доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Кучерская Майя Александровна, к.филол. н, PhD, профессор школы филологии НИУ ВШЭ, писатель

Лекманов Олег Андершанович, д. филол. наук, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Линкова Яна Сергеевна, к.филол.н., доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Литвина Анна Феликсовна, к. филол. наук, доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Лямина Екатерина Эдуардовна, к. филол. наук, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Мороз Андрей Борисович, доктор филол. н., профессор НИУ ВШЭ, профессор РГГУ, председатель комиссии по фольклористике при Международном комитете славистов

Немзер Андрей Семенович, к.филол. наук, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Островская Елена Сергеевна, к. филол. наук, доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Павловец Михаил Георгиевич, к.филол.н., доцент школы филологии НИУ ВШЭ, учитель словесности Лицея НИУ ВШЭ

Пенская Елена Наумовна, доктор филол. н, ординарный профессор НИУ ВШЭ, руководитель школы филологии, член Совета Федерального учебно-методического объединения по языкознанию и литературоведению

Пиперски Александр Чедович, к. филол. наук, научный сотрудник Школы филологии НИУ ВШЭ

Поливанов Константин Михвйлович, PhD, профессор школы филологии НИУ ВШЭ

Ровинская Мария Михайловна, заместитель руководителя Школы филологии НИУ ВШЭ, координатор Тотального диктанта в Москве

Свердлов Михаил Игоревич, к.филол.н., доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Степнова Марина Львовна, профессор школы филологии НИУ ВШЭ, писатель

Успенский Павел Федорович, к.ф.н., PhD, доцент школы филологии НИУ ВШЭ

Успенский Федор Борисович, д. филол. наук, Член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ